

<https://helda.helsinki.fi>

pÿ " / #' / ! % \$ " : # ! ("

Zhel'nina, Anna A.

2022-09

pÿ Zhel'nina , A A , Semenov , A V & Tykanova , E V 2022 , ' " / #
pÿ ! % \$ " : # ! (" / ' , Monitoring Obshchestvennogo
Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny , vol. 2022 , no. 5 , pp. 49-71 . <https://doi.org/10.14515/monitoring>

<http://hdl.handle.net/10138/355259>

<https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2214>

cc_by_nc_sa

publishedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.5.2214](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2214)

А. А. Желнина, А. В. Семенов, Е. В. Тыканова

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ: УРОВНИ МАСШТАБИРОВАНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Желнина А. А., Семенов А. В., Тыканова Е. В. Методология изучения городских конфликтов: уровни масштабирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 49—71. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2214>.

For citation:

Zhelnina A. A., Semenov A. V., Tykanova E. V. (2022) The Methodology for Studying Urban Conflicts: Levels of Scaling. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 49–71. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2214>. (In Russ.)

Получено: 24.03.2022. Принято к публикации: 03.08.2022.

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ: УРОВНИ МАСШТАБИРОВАНИЯ

ЖЕЛНИНА Анна Александровна — кандидат социологических наук, PhD in Sociology, постдок-исследователь, Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия

E-MAIL: azhelnina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6558-2281>

СЕМЕНОВ Андрей Владимирович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; доцент, НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: andrey.semenov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5127-4314>

ТЫКАНОВА Елена Валерьевна — кандидат социологических наук, заведующий сектором социоурбанистики, старший научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: elenatykanova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

Аннотация. Статья посвящена методологии многоуровневого анализа городских конфликтов. Предлагаемый подход составляет альтернативу доминирующему в городских исследованиях макровзгляду на городские изменения через призму теорий неоллиберализма. Отталкиваясь от методологии страте-

THE METHODOLOGY FOR STUDYING URBAN CONFLICTS: LEVELS OF SCALING

*Anna A. ZHELNINA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), PhD in Sociology, Postdoctoral Researcher

E-MAIL: azhelnina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6558-2281>

Andrei V. SEMENOV^{2,3} — Sci. (Polit.), Senior Research Associate; Associate Professor

E-MAIL: andrey.semenov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5127-4314>

*Elena V. TYKANOVA*² — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Urban Studies Department, Senior Research Associate

E-MAIL: elenatykanova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

¹ University of Helsinki, Helsinki, Finland

² The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

³ HSE University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The paper focuses on the methodology of multilevel analysis of urban conflicts. The proposed approach is an alternative to the macro view of urban change through the lens of neoliberal theories that dominates the field of urban studies. Based on the methodology of strategic interactionism, we posit

гического интеракционизма, мы предполагаем, что мобилизация по поводу трансформации городской среды связана в первую очередь с перспективами и целями участников, а также их взаимодействиями между собой на «аренах» (ограниченных физически и институционально локаций), которые вписаны в темпоральную рамку «событий», выделяющих наборы взаимодействий из фоновой рутины. Арены и события образуют концептуальный каркас для изучения микрооснований городских конфликтов. Преимущество микрооснований заключается в том, что они непосредственно наблюдаемы и могут быть зафиксированы множеством способов, доступных исследователю. Мы также полагаем, что перспективы, цели и взаимодействия встроены в более широкие пространственные и темпоральные структуры — «поля» и «эпизоды» конфликтов. Сами по себе конфликтные взаимодействия уникальны с точки зрения конкретных арен и событий, но в более широком плане они складываются в регулярности, которые можно обнаружить аналитически, что открывает возможности для сравнения и генерализации. Наша методология, таким образом, позволяет связать непосредственно наблюдаемые микрооснования с аналитически характеризуемым мезоуровнем: несмотря на то, что поля и эпизоды являются результатом аналитической работы и не существуют «физически», тем не менее их выделение помогает лучше понять стратегический характер взаимодействий участников, а также связать множество целей и действий в последовательность с идентифицируемым исходом. Также это дает возможность связать «промежуточные исходы» взаимодействий на определен-

that mobilization for the transformation of the urban environment is primarily related to participants' perspectives and goals, as well as their interactions with each other in "arenas" (physically and institutionally limited locations) that are embedded within temporal frames ("events") that highlight sets of interactions from the mundane routine actions. Arenas and events provide a conceptual framework for exploring the microfoundations of urban conflict. The advantage of microfoundations is that they are directly observable and can be documented in a variety of ways available to the researcher. But we also posit that perspectives, goals, and interactions are embedded in broader spatial and temporal structures — "fields" and "episodes" of conflicts. Conflict interactions themselves are unique in terms of specific arenas and events, but more broadly they add up to regularities that can be described analytically, opening up opportunities for comparison and generalization. Our methodology thus makes it possible to link directly observable microfoundations with an analytically characterized mesolevel: despite the fact that "fields" and "episodes" are the result of analytical abstraction and do not exist "physically", their identification helps to better understand the strategic nature of the interactions and associate a set of goals and actions in a sequence with an identifiable outcome. It also helps to link the "intermediate outcomes" of interactions in certain arenas to the outcome of the conflict. Simultaneous attention to the micro- and meso-levels of urban conflicts makes it possible to identify their structural (imbalance of resources, socio-political and economic hierarchies) and agent-based (goal-setting, strategic dilemmas, innovations, emotions)

ных аренах с итогом конфликта. Одновременное внимание к микро- и мезоуровню позволяет идентифицировать как структурные (дисбаланс ресурсов, социально-политические и экономические иерархии), так и агентные (целеполагание, стратегические дилеммы, инновации, эмоции) основания городских конфликтов. На примере собственных исследований мы показываем, каким образом представляемый концептуальный аппарат может быть переведен на методический язык конкретных аналитических процедур.

Ключевые слова: городской конфликт, методология, событие, эпизод, арена, поля стратегического действия, городская политика

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054-П) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Введение

Городские конфликты анализируются множеством дисциплин: от классических социологии и политической науки до современной урбанистики эпизоды оспаривания различных аспектов развития городского пространства нередко становились эмпирическим материалом для прорывных работ в этой области [Castells, 1983; Logan, Molotch, 1987; Dahl, 2005]. Городское пространство и его трансформации особо интересны социальным исследователям в силу нескольких причин: конфигурация властных институтов на городском уровне [Stone, 2015] и структура городского управления [Pierre, 2005] довольно изменчива, что создает выгодные условия для изучения трансформационных процессов; городские общественные движения также имеют хорошо наблюдаемую динамику [Castells, 1983; Mayer, 2006], в то время как возможности для гражданского участия в городах постепенно расширяются [Harvey, 2012]. Кроме того, социальная структура городских классов и ее изменения находят отражение в физическом пространстве города, что также открывает новые методологические возможности для исследователей [Tomba, 2004; Karsten, 2007].

foundations. Using examples from our own research, we demonstrate how the presented conceptual apparatus can be translated into the specific instruments, methods, and analytical procedures.

Keywords: urban conflict, methodology, event, episode, arena, strategic action fields, urban politics

Acknowledgments. The research is supported by the Russian Science Foundation grant (RSF № 18-78-10054-P) “Mechanisms of interests coordination in the urban development processes”.

Социальное разнообразие — одна из главных характеристик городской жизни, описанная классиками городских исследований [Simmel, 2012]. Разнообразие, а иногда и несовместимость интересов в сфере развития города [Blokland et al., 2015], является одной из движущих сил городских конфликтов, в ходе которых разные группы интересов пытаются реализовать свое видение городского пространства. Физические и нематериальные аспекты городского пространства часто становятся объектом конфликтных взаимодействий, поскольку ключевые группы занимают противоположные позиции по их поводу, а также обладают разным объемом ресурсов и степенью включенности в политический процесс.

Эти особенности городских конфликтов позволяют изучать не только властную и ресурсную асимметрию и ее последствия, но и механизмы согласования интересов, настройки «баланса», а также инновации и стратегии необлеченных властью и ресурсами игроков. Разнообразие городских конфликтов в плане продолжительности, интенсивности, предмета и репертуара действий игроков создает широкие возможности для использования сравнений и последующей генерализации. Отталкиваясь от этого методологического преимущества, в данной статье мы предлагаем вариант многоуровневого анализа конфликтов. Опираясь на стратегический интеракционизм [Jasper, Duyvendak, 2015], с одной стороны, и парадигму «состязательной политики» [Tilly, 2001] — с другой, мы акцентируем внимание на связях между агентами и структурой в динамической перспективе. Мы предлагаем методологию реконструкции социальной динамики конфликтов от микро- к мезоуровню с использованием пространственной метафоры стратегического интеракционизма (понятие «арена») и темпоральным ракурсом динамического анализа событий. Мы надеемся представить для обсуждения аналитические инструменты, которые помогли бы организовать эмпирический материал таким образом, чтобы у исследователей была возможность с помощью данной методологии ответить на разные исследовательские вопросы. Представленная методология — предложение к дискуссии об аналитических инструментах, более чувствительных к анализу внутренней динамики городских конфликтов, и не претендует на разработку новых теоретических подходов.

Статья организована следующим образом: в первой части рассмотрим микрооснования нашей модели городских конфликтов — понятия арен (arenas) и событий (events). Как мы покажем, преимущество микрооснований заключается в том, что они непосредственно наблюдаемы и могут быть зафиксированы множеством способов, доступных исследователю. Далее рассмотрим агрегацию этих феноменов до мезоуровня полей (fields) и эпизодов (episodes). Мы продемонстрируем, что арены и события, во-первых, складываются в последовательности, а во-вторых, встроены в контекст. И хотя сами по себе конфликтные взаимодействия уникальны с точки зрения конкретных арен и событий, в более широком плане они сводятся к регулярностям, что открывает возможности для сравнения и генерализации. Наконец, на примере наших собственных исследований мы покажем, каким образом предлагаемый концептуальный аппарат может быть переведен на методический язык конкретных аналитических процедур. В заключении мы порассуждаем, какие результаты могут быть получены в дальнейшем и стоит ли встраивать нашу перспективу в макроконтэкст.

В данной статье мы предлагаем инструмент для построения теорий среднего уровня, отталкиваясь от наблюдаемых на микроуровне явлений. В городских исследованиях доминирует анализ процессов с точки зрения конфигурации отношений при неолиберализме. Мы предлагаем сменить оптику и переключить внимание с макропроцессов, на которых преимущественно фокусируются такие исследования, на микрооснования городской политики. Ниже вкратце представим эту исследовательскую традицию.

Макроперспектива изучения городских конфликтов: неолиберальный урбанизм

Многие современные исследования городских конфликтов видят их как результат распространения неолиберальных принципов в городском управлении, которые вызывают протестную реакцию горожан. Понятие «неолиберализм» описывает стремительное распространение рыночного подхода в сферах, связанных с обеспечением общественного блага. В широком смысле неолиберализм обозначает новое экономическое регулирование в виде доктрины «свободного рынка» с поправкой на специфические исторические и географические условия [Brenner, Theodore, 2005: 101—102].

Отвечая на вызовы неолиберального курса на национальном уровне, города конкурируют за создание благоприятных условий с целью привлечения внешних инвестиций. От городов все чаще ожидают продвижения культурных мероприятий и девелоперских проектов для привлечения новых волн потребителей, а также получения преимуществ от центрального и регионального правительств. Такая логика приводит к возникновению «предпринимательского города» [Harvey, 1989], в управленческую стратегию которого входят частно-государственное партнерство, рыночный характер деятельности, принятие муниципалитетами части рисков, связанных с частными инвестициями, а также взаимный коммерческий интерес местных органов власти и связанного с недвижимостью бизнеса [Kolossoff, Vendina, O'Loughlin, 2002: 173].

В то же время группы горожан, заинтересованные в сохранении нерыночных форм управления в общественно значимых сферах, стремятся ограничить беспрепятственное накопление капитала и его последствия [Brenner, Theodore 2005: 102]. В неолиберальной логике приоритеты рыночного развития и интересы строительного и инвестиционного бизнеса получают несимметричное влияние в принятии решений о судьбе городских территорий, но «рассерженные» горожане, тем не менее, могут организовывать протестное коллективное действие даже в условиях этой асимметрии. Оспаривание трансформации публичных пространств, уплотнительной застройки, препятствование угрозе историческому наследию часто приобретают форму grassroots, низовых инициатив (см. примеры российских случаев: [Dixon, 2010; Семенов, 2019; Fröhlich, 2020] и пр.). В политэкономическом анализе таких конфликтов низовые инициативы часто противопоставляются «машинам роста», локально укорененным взаимовыгодным коалициям политических и экономических элит [Logan, Molotch, 1987]. В большинстве конфликтных случаев эти «слабые» и «сильные» игроки вступают во взаимодействие с целью реализовать свое видение пространства и города.

Однако исследования зачастую уделяют несимметричное внимание разным игрокам, фокусируясь либо на общественных движениях, либо на эффектах частно-государственных партнерств.

Мы полагаем, что макроуровня анализа городских конфликтов недостаточно. Внимание к перспективе и целям участников, их действиям и взаимодействиям может позволить идентифицировать как структурные (дисбаланс ресурсов, социально-политические и экономические иерархии), так и агентные (целеполагание, стратегические дилеммы, инновации, эмоции) основания. Для этого мы предлагаем методологию анализа городских конфликтов, соединяющую микроперспективу участников с факторами «среднего уровня».

Микрооснования городских конфликтов

Под городским конфликтом мы понимаем последовательные публичные взаимодействия между активистами, городскими властями, застройщиками и другими релевантными сторонами, цель которых — оспаривание изменений физических или символических аспектов городского пространства. Взаимодействие подразумевает реакцию одного актора на действия другого по поводу какого-либо аспекта городского спора, а также действия игроков, осуществляемые с ожиданием определенных реакций со стороны других участников. Конфликт имеет исход — прекращение взаимодействия между игроками и окончательное решение в отношении изначального проекта трансформации территории.

В социологии общественных движений существует две основные традиции изучения микрооснований конфликтных взаимодействий и две основные метафоры для их представления: пространственная метафора арены, связанная со стратегически-интеракционистским подходом, и темпоральная метафора события, разрабатываемая в русле теории политических процессов. В сочетании эти два видения микрооснований конфликтов позволяют составить комплексную картину конфликтов и открывают интересные возможности для генерализации, что мы и стараемся показать ниже.

Понятие «арена» в рамках стратегического интеракционизма неотделимо от понятия «игрок». Игроки, участники взаимодействия со своими интересами и целями, отражают агентность, в то время как понятие арены подчеркивает структурные характеристики конфликтных взаимодействий — как незримые правила, так и физические ограничения конкретных пространств [Jasper, 2015]. Вступая во взаимодействие, игроки преследуют разные цели, и каждая арена ассоциируется у них с определенными ставками: например, в суде на кону конкретный вердикт, а на общем собрании собственников жилья — пункты повестки, сформулированные в соответствии с жилищным законодательством. На аренах игроки вступают во взаимодействие в соответствии с писаными и неписаными правилами конкретной арены, но условием их взаимодействия является то, что все они примерно представляют себе эти правила и учитывают их. В ходе взаимодействия на аренах игроки наблюдают друг за другом и принимают решения о своих дальнейших действиях на основе того, что они наблюдают. Игроки также приобретают новые знания и навыки, привлекают сторонников и собирают необходимые ресурсы для реализации своей стратегии.

Арены различаются по степени формализации и институционализации. Некоторые арены устанавливают строгие бюрократические правила (как, например, суды и парламенты), а другие более гибкие и неформальные. Неформальные арены, например спонтанные встречи соседей или собрания активистских групп, крайне важны для понимания городских политических процессов в целом: именно на таких аренах формируются коллективные игроки (инициативные группы), вырабатываются цели, ведутся дискуссии о выборе тактик и т. п. Исследования показывают, что даже регулярные совместные поездки на общественном транспорте могут стать ключевой ареной для формирования активистских идентичностей и политизации [Boudreau, Boucher, Liguori, 2009]. Игроки имеют в своем распоряжении разные ресурсы (финансы, технологии, репутации, эмоции), и их позиции на аренах могут определяться разными социальными иерархиями [Jasper 2015: 11]. Например, позиция председателя собрания или выступающего на митинге отличается от позиции рядового участника. Кроме того, игроки могут создавать арены, особенно облеченные властью (например, мэры). Они могут задавать правила игры и создавать новые возможности для взаимодействия, но не всегда могут контролировать ход и результаты взаимодействий на созданной ими арене [Elliott-Negri et al., 2021].

Арены могут быть связаны друг с другом: например, решения, принятые на одной арене, могут поменять ход событий на другой. Приобретая новые навыки, формируя альянсы и солидарности (или соперничество), игроки переносят эти достижения из одной интерактивной ситуации в другую. Так, встретившись на круглом столе о городской политике, представители разных инициативных групп могут увидеть, как их конкретные задачи резонируют друг с другом и какие общие действия могут повлечь выгодные для всех изменения в городе. Это приобретение может стать основанием для их совместного участия в протестных акциях, согласованного голосования на выборах и так далее. Такая связанность арен позволит нам описать формирование поля городской политики и выйти на мезоуровень анализа.

Событие схватывает темпоральный аспект городских конфликтов. Изначально события были инструментом исторического анализа и в первую очередь отсылали к значимым действиям, которые предположительно поворачивали исторический процесс в то или иное русло (например, революции, войны или стихийные бедствия). Количественная революция в социальных науках привела к переосмыслению понятия «событие», во многом поместив его в контекст регулярных явлений. К примеру, Чарльз Тилли использовал каталоги событий для опровержения модели относительной депривации в качестве объяснения революций, а также для демонстрации таких процессов, как «парламентаризация» или «централизация протестов» [Tilly, 2015]. В такой перспективе событие означало хронологически ограниченное взаимодействие между определенным набором участников, имеющее некоторую символическую связанность, которая позволяла бы выделить эти взаимодействия из широкого контекста. Так, исследователи социальных движений стали каталогизировать забастовки, митинги, возведение баррикад, равно как и различные формы противодействия протестующим [Tilly, 2008; Traugott, 1995]. Ключевая характеристика события — наличие обстоятельств взаимодействия, которые представляются экстраординарными по отношению к повседневной рутине.

Именно возможность выделить события на фоне какой-либо рутины позволяет с большей точностью зафиксировать его ключевые характеристики. Если «ментальные» состояния и рациональные предпочтения субъектов до сих пор представляют собой «черный ящик», который можно изучить лишь косвенно, равно как и рутинные взаимодействия, то экстраординарность событий влечет за собой внимание как самих участников, так и внешних наблюдателей. В результате, к примеру, публичные коллективные действия не только становятся предметом глубокой рефлексии участников [Poletta, 2006], но и вызывают интерес журналистов, органов публичной власти и других заинтересованных сторон. И хотя такие события, как протесты, составляют лишь видимую — публичную часть городских (и других) конфликтов, они образуют своеобразный каркас (а в нашей схеме — промежуточные результаты, о чем будет сказано ниже), вокруг которого «кристаллизуется» сам конфликт.

Что составляет «событийность» городских конфликтов? Мы полагаем, что таковы любые совокупности взаимодействий на какой-либо арене между участниками («игроками»), имеющие относительно непродолжительный характер и символическую связанность. К примеру, событием может быть встреча между активистами и представителями власти. Во-первых, она происходит на определенной арене. Во-вторых, обладает собственной «драматургией», элементы которой распознаются участниками в качестве начала (например, пожатие рук или объявление начала встречи) и конца (например, принятие итогового документа). В-третьих, взаимодействия «внутри» события выделяются на фоне широкого контекста как самими участниками, так и внешними наблюдателями. Необходимо подчеркнуть: продолжительность не является определяющим свойством события, событие может иметь разовый и интенсивный характер (к примеру, нападение на активистов) или более долгий (например, переговоры). Важно, чтобы взаимодействия внутри события выделялись на фоне всего потока возможных взаимодействий.

Пространственное (арены) и темпоральное (события) измерения городских конфликтов неразрывно связаны. Однако их аналитическое разделение делает возможным более многомерный анализ конфликтов на микроуровне. С помощью понятия «арена» мы можем зафиксировать более или менее стабильные формы взаимодействий, определить участников, их ставки и поведение на арене, проанализировать внешние ограничения, которые накладывают арены на действия игроков, и увидеть промежуточные результаты микровзаимодействий. В то же время, анализируя происходящее на арене как «событие», мы подчеркиваем процессуальность, ориентированность взаимодействия на будущее и его роль в более широком темпоральном горизонте. Взаимодействия микроуровня можно анализировать как герметично, для понимания логики происходящего здесь и сейчас, так и в формате генерализации, в частности теоретических обобщений среднего уровня. В следующем разделе рассмотрим, как микровзаимодействия могут стать основой теорий мезоуровня.

От микро- к мезоуровню анализа городских конфликтов

Микросоциологическое понятие арены позволяет логично развить анализ более высокого уровня абстракции. Выше мы отмечали, что конфликты редко

ограничиваются единичным наблюдаемым взаимодействием на одной арене: чаще всего мы имеем дело с развитием конфликта на связанных аренах [Jasper, 2021]. Н. Флигстин и Д. Макадам также отмечают, что все коллективное действие структурировано в сложной сети «политических, социальных и экономических полей», которые связаны между собой, и события в одном поле влияют на состояния смежных полей [Fligstein, McAdam, 2011: 8]. В соответствии с теорией Н. Флигстина и Д. Макадама, в рамках полей стратегического действия «коллективные игроки стремятся достичь стратегического преимущества посредством взаимодействия с другими группами» [ibid.: 2].

Понятие арены позволяет дезагрегировать понятие поля и частично решить методологическую проблему идентификации границ последнего [Duyvendak, Fillieule, 2015]. Арены, наблюдаемые пространства взаимодействия, являются «составными элементами („building blocks“) на микроуровне, местами, где происходят значимые стратегические взаимодействия. В отличие от институтов, полей, пространств, системы и других связанных понятий (секторы, миры, конфигурации и так далее), мы можем наблюдать арену, а не только конструировать ее в уме или на бумаге» [Jasper, 2021: 253].

Арены складываются в поля городской политики конкретных городов, социальные порядки среднего уровня, которые, в свою очередь, формируют поля более высокого уровня (уровень финансовой, макроэкономической политики, например). В случае городской политики мы можем говорить о соответствующем поле, пространстве взаимодействия и конкуренции, где принимаются решения о судьбе городских территорий. Идентифицируя связи между аренами, мы можем проследить границы и иерархии в поле.

Один из способов проследить эти связи — наблюдение за промежуточными успехами и поражениями, влияющими на последующие взаимодействия. Например, промежуточный успех в виде рекрутинга большого числа сторонников для участия в публичных слушаниях может не стать непосредственно причиной отмены оспариваемого проекта, поскольку решения слушаний носят только рекомендательный характер, но может иметь важные последствия в долгосрочной перспективе: привести к созданию активистской группы, «заряженной» общими эмоциями и идентичностью, которая будет активно включаться во взаимодействие на смежных аренах. Важно отметить, что поле включает как формальные, так и неформальные арены [Желнина, Тыканова, 2019].

Понятие арен взаимодействия позволяет увидеть, как принимаются решения и как создаются конкретные промежуточные результаты, которые могут иметь далеко идущие последствия. Мы можем говорить, что эти взаимодействия, аккумулируясь, способны изменить расстановку сил в поле городской политики — совокупности арен, где принимаются решения о судьбе города, и игроков, которые участвуют во взаимодействиях на этих аренах, преследуя свои цели. Изменение в конфигурации поля возможно, например, если новые игроки — мобилизованные граждане — не покидают поле после окончания конкретного конфликта, но продолжают находиться там в новом качестве.

Для реконструкции полей городской политики может быть полезен инструментарий, используемый в рамках темпорального анализа конфликтов. События,

которые лежат в основе этого анализа, являются слишком мелкими единицами, но могут использоваться для составления каталогов, позволяющих оценить масштаб коллективной мобилизации, тематику конфликтов и их пространственное распространение [Семенов, 2018]. Тем не менее использование изолированных событий (даже в той или иной форме агрегации) имеет существенные ограничения. Во-первых, за рамками остаются действия многих релевантных акторов, которые могут быть предпосылками для мобилизации или следовать за публичными протестами. Во-вторых, в силу специфики событийного анализа игнорируется более конвенциональный репертуар и арены взаимодействия (например, заседания органов публичной власти или встречи заинтересованных сторон). Наконец, из анализа выпадает один из ключевых аспектов любой мобилизации — наличие последовательности во взаимодействиях всех игроков, «драматургия» конфликта.

Понятие «эпизод городского конфликта» позволяет связать между собой отдельные события в последовательность и отразить разнообразие игроков, действий и арен, тем самым помогая определить «поля» аналитически. В рамках «анализа эпизодов» — как и в случае с анализом арен, — принципиальное значение имеет аналитическое выделение ключевых действующих сторон [Kriesi, Hutter, Vojar, 2019]. Мы выделяем три основных стороны: горожан, публичную власть и застройщиков. Как правило, они различаются по своим стартовым позициям относительно предмета взаимодействия (физического или символического аспекта городского пространства, который подлежит изменению в результате действий одной из сторон), а также ресурсной обеспеченностью и возможностями для реализации своих целей. Притом что каждая из сторон может быть «составной», внутри них могут наблюдаться разногласия относительно как основного курса действий, так и тактических средств [Jasper, Duyvendak, 2015]. Для последовательного анализа необходимо, чтобы это внутреннее разнообразие можно было свести к некоторой общей позиции в рамках текущей последовательности взаимодействий. Необходимо отметить, что городской конфликт не обязательно включает в себя все три стороны. Публичная власть может выступать инициатором проекта трансформации территории, например при строительстве инфраструктурных объектов. Поскольку любой городской конфликт редко обходится без вмешательства каких-либо третьих сторон (депутатов или политических партий и др.), целесообразно включать в анализ и их действия.

В анализе эпизодов принципиально важно ориентироваться на действия, имеющие последствия. Любой конфликт, особенно продолжительный, может включать неограниченное количество действий разной значимости (так же как и поле может включать неограниченный набор арен): от индивидуальных судебных исков и неформальных встреч до масштабных акций протеста. Наш подход заключается в фиксации любого действия, которое хотя бы одна из сторон (или наблюдатели) считает значимым с точки зрения достижения каких-либо промежуточных или финальных результатов. Фактически это означает, что при реконструкции конфликта, например на основе сообщений в СМИ, важно фиксировать все упоминаемые действия, так или иначе относящиеся к предмету конфликта. С другой стороны, реконструкция эпизода на основе интервью может либо дополнить выявленную последовательность, либо изменить ее, если возникают противоречия в описа-

нии базовых событий. Следует подчеркнуть, однако, что реконструкция эпизодов не претендует на реалистичное описание того или иного городского конфликта, скорее, это аналитическая конструкция, которая позволяет связать воедино базовые единицы анализа (события и арены) и затем на их основе проводить сравнительный анализ. Анализ эпизодов, таким образом, представляет собой нечто среднее между плотным описанием отдельного случая, максимумом которого является детализация, и структурным анализом, фокусирующимся на широких и зачастую непосредственно ненаблюдаемых процессах.

Чем анализ эпизодов отличается от других подходов? От событийного анализа он отличается тем, что позволяет охватить куда больший состав игроков, репертуар и арены. Кроме того, анализ эпизодов позволяет отслеживать последовательности взаимодействий и выявлять не просто агрегированные динамические или пространственные паттерны (распределение мобилизации во времени и пространстве), но и специфические «сочленения» в городской мобилизации. Он отличается от плотного описания случая тем, что фокусируется на наиболее значимых взаимодействиях ключевых игроков, что в дальнейшем позволяет проводить систематический сравнительный анализ. Кроме того, особенности организации сбора данных в анализе эпизодов позволяют при желании дополнить практически любой конфликт детальным описанием того или иного аспекта конфликта. Анализ эпизодов в этом смысле избегает как ловушек чистого количественного анализа, при котором агрегированные показатели (как то число протестных событий или участников акций протеста) выступает либо предиктором (например, исхода), либо зависимой переменной в рамках некоторой функциональной модели, так и проблемы анализа отдельных случаев, как правило, связанных с ограничениями степеней свободы при рассмотрении альтернативных гипотез.

Наилучшим образом анализ эпизодов позволяет работать с «механизмами», связывающими между собой некоторые изначальные условия с интересующим исследователя результатом. Механизмы в представлении Д. Макадама и коллег представляют собой «наборы событий, действующих одинаковым образом в различных контекстах» [McAdam, Tarrow, Tilly, 2001]. Ключевая методологическая идея, лежащая в основе этого концепта, заключается в том, что для достижения того или иного результата игроки могут пользоваться целым спектром возможных действий, но их выбор определяется структурным и стратегическим (ожидаемыми действиями других игроков) факторами, которые в нашем случае схватываются в понятиях «арена» и «поле».

В динамических процессах можно выявить некоторые последовательности, задействуемые наподобие физических механизмов: один тип действия с высокой определенностью влечет за собой следующее, и этот каскад может разворачиваться в самых разных контекстах. Например, в мобилизации одним из таких механизмов выступает «посредничество» (brokerage) — действия третьих сторон по соединению игроков, преследующих одинаковые цели, но до этого не связанных между собой. Посредничество — распространенный механизм и в городских конфликтах, например, когда «профессиональные» активисты выстраивают связи между участниками коллективных действий, разделенных пространственно или темпорально.

Анализ эпизодов позволяет фиксировать те или иные механизмы за счет выявления их составляющих (определенных типов действий, осуществляемых определенными игроками на определенных аренах). Кроме того, можно также наблюдать, насколько эффективно механизмы «работают» в зависимости от контекста: определение механизма подразумевает, что его соединения могут давать «сбой» в зависимости от положения дел. В каких случаях механизмы, задействованные в городских конфликтах, действуют исправно, а в каких нет, также может стать предметом теоретического и эмпирического анализа.

Как можно совместить анализ эпизодов с анализом полей? Эпизоды и поля — понятия мезоуровня. С одной стороны, они основываются на наблюдаемых единицах, которые могут быть соответствующим образом агрегированы. С другой стороны, это аналитические конструкторы: их границы в большей степени задаются концептуальными и методологическими рамками, а не являются физическими границами, свойственными арене, или хронологическими границами, присущими событию. Поскольку эпизоды включают множество действий на разнообразных аренах, они по определению разворачиваются в множестве полей: те действия, которые фиксируются в рамках эпизодов, вызывают ответ не только в рамках самого конфликта, но и имеют следствия для совокупности игроков из разных сфер. Кроме того, действия в рамках конфликта осуществляются не только внутри логики самого конфликта, но и на пересечении других стратегических полей взаимодействия. Их действия зависят от следования логике этих полей.

Таким образом, микроанализ необходим для реконструкции агентности (фокус на наблюдаемых взаимодействиях, на игроках и их планах позволяет увидеть, как «структура» создается и пересобирается в этих взаимодействиях), а переход к более высоким уровням агрегации позволяет увидеть микровзаимодействия в свете стратегического выбора на развилках городской мобилизации. Горожане могут сразу выходить на публичные акции или сначала пробовать более конвенциональные меры, могут повышать ставки на переговорах или отстаивать статус-кво. Агрегация позволяет продемонстрировать, что выбор действий происходит не только исходя из соображений «здесь и сейчас», но внутри более широкой перспективы возможностей. Иными словами, поведение игроков на арене не может быть как абсолютно случайным (зависящим только от сиюминутных обстоятельств), так и исключительно детерминированным рациональностью или структурными условиями.

Методика многоуровневого изучения городских конфликтов

Участники конфликта — инициаторы городских трансформаций (застройщики или представители власти) и активисты, несогласные с предлагаемыми изменениями. Последняя группа может включать как индивидов, так и их группы, как профессиональных активистов (представители градозащитных, правозащитных и пр. групп), так и простых граждан; важно, что они публично проявляют несогласие с действиями инициаторов проекта. Третья сторона может активно поддерживать одного из участников, либо выступать медиатором в конфликте. Например, политическая партия или НКО может поддержать жителей в борьбе против уплотнительной застройки. Официальные медиаторы, такие как судьи, полицейские и прокуроры,

должны выступать в качестве незаинтересованной в исходе взаимодействия стороны, однако далеко не всегда сохраняют нейтральность. СМИ и их авторы могут придерживаться любой позиции. По мере развития конфликта его участники могут менять свои цели, накапливать или терять ресурсы и переходить из одного «лагеря» в другой.

Микроуровень социальных взаимодействий наиболее уместно исследовать с помощью метода наблюдения (в случае синхронного изучения конфликта) или полупоформализованного интервью (если конфликт завершен к моменту исследования). В дополнение к ним показал свою полезность метод цифровой этнографии, если конфликт развивается в том числе на цифровых аренах. Методом полупоформализованного интервью можно выяснить, каким образом игроки ставят цели, разрешают стратегические дилеммы и выбирают арены для взаимодействия. Этот метод позволяет реконструировать, как прошлый опыт игроков влияет на их стратегические выборы в ходе текущего конфликта; как опыт взаимодействия и знания о других игроках формируют ожидания (например, что оппонент на следующем витке интеракции воспользуется неформальными связями и мобилизует неформальные правила). Интервью и наблюдения дают данные о том, как происходит управление ресурсами внутри групп игроков, как организована их коммуникация с соратниками, сочувствующими и с другими игроками.

Выступающие на одной стороне конфликта игроки могут преследовать разные цели и ожидать от конфликтных взаимодействий разных результатов. Такая множественность целей городского движения была свойственна, например, сопротивлению строительству Северного дублера Кутузовского проспекта в Москве. При угрозе возведения новой дорожной линии, которую планировалось протянуть по нескольким районам города, часть местных жителей решительно выступили против проекта из-за риска серьезного ухудшения экологической обстановки в окрестностях: проект предполагал вырубку Яблоневого сада, а увеличение транспортного потока могло привести к росту вредных выбросов. Другая группа горожан, чьи дома располагались в непосредственной близости от предполагаемой трассы, протестовала из-за рисков падения рыночной стоимости их недвижимости. При этом одни выступали за полную отмену трассировки новой дороги, а вторые — за ее перевод в подземный тоннель.

Множественность целей, возможный внутренний конфликт и вмешательство игроков в дела друг друга могут тормозить согласование действий в альянсах игроков и затруднять выработку слаженной стратегии сопротивления. Интервью с участниками и наблюдение в ходе внутренних коммуникаций между сторонами позволяют зафиксировать такую «разноголосицу» целей у коллективных игроков и ее основания. Промежуточные, в том числе неожиданные исходы, полученные на предыдущих раундах взаимодействия, влияют на последующие шаги игроков: привлечение новых сторонников и исключение прежних, поиск дополнительных ресурсов, тактику обращения и взвешивание возможностей арен. Кроме того, некоторые игроки могут изменять правила и ресурсы арен; информацию об этом мы можем почерпнуть, как правило, только в ходе интервью.

Материальная сторона арен может выступать для игроков дополнительным ресурсом или ограничением. Для выявления этих характеристик арен для сбора

эмпирической информации предпочтительно наблюдение за взаимодействиями игроков в физическом пространстве: в зале суда, помещении для публичных слушаний, парке, где проходит публичная акция, на будущей стройплощадке, где встречаются муниципальные депутаты и обеспокоенные жители. Например, на публичных слушаниях игроки могут «манипулировать» физическими свойствами арены: жители или представители застройщика могут мобилизовать своих сторонников и максимально заполнить зал, продемонстрировав тем самым свою решительность и единство. Плохое освещение и мелкий масштаб представленных на слушаниях карт приведут к тому, что желающие не смогут получить подробную информацию об обсуждаемом проекте, и пр.

Если в фокусе внимания находится законченный конфликт, то большой потенциал для изучения пространственных параметров арен имеют визуальные цифровые материалы. К таким ресурсам относятся публикации в социальных сетях видеозаписей и фотографий, созданных инициативными горожанами; публикации в СМИ и на официальных сайтах учреждений, содержащие визуальный материал. Также ценностью представляют неопубликованные записи, хранящиеся в архивах участников событий. Созданный игроками визуальный материал носит отпечаток их позиций и интересов, однако он позволяет оценить параметры пространственной среды, а также другие особенности арен.

При анализе эмпирических данных важно учитывать ряд ограничений. Игроки действуют согласно своей интерпретации ситуации, своим ожиданиям по поводу ответных действий оппонентов, а также культурно обусловленным представлениям о правильном, выгодном и допустимом. С этим связан выбор игроками одних арен и игнорирование других. Игрокам может быть «объективно» доступен спектр арен, но в ситуации, когда они их не распознают, эти возможности для них в буквальном смысле не существуют [Jasper, 2021: 247]. Выстраивание последовательности событий на основе интервью с игроками осложняется тем, что информанты склонны эмоционально окрашивать внешние условия и взаимодействия игроков, акцентировать или преуменьшать в своих рассказах значение разных игроков и арен. Хронологическая последовательность событий в нарративах не обязательно говорит о причинно-следственных связях между ними. В силу этих особенностей личных нарративов требуется триангуляция различных типов данных, их верификация и сравнение [Polletta, Gardner, 2015: 557].

Изучение городских конфликтов качественными методами позволяет исследователям изучить форматы интеракций игроков, моральные дилеммы и пути их разрешения, а также выборы игроками различных арен, зафиксировать причины и особенности множественности целей, в том числе и у представителей одного «лагеря», оценить ожидания и ресурсы игроков, влияние предыдущего опыта и роль неформальных правил в координации взаимодействия, его промежуточные результаты. Нам становится доступна внутренняя логика разворачивания каждого конфликтного кейса с точки зрения интеракций игроков в их пространственном измерении — на специфических аренах взаимодействия. Однако такой исследовательский фокус и соответствующий ему методологический инструментарий не дают возможности сделать выводы о состоянии полей стратегического взаимодействия в силу того, что каждый конфликтный случай всегда имеет множество

особенностей и собственную внутреннюю динамику. По этой причине, а также в связи с неравномерностью доступа к информантам и фрагментарностью упоминания игроками событий, сравнительная перспектива на микроуровне анализа городских конфликтов затруднена.

Выстраивание последовательности взаимодействий игроков на разнообразных площадках с помощью дополнительных источников данных, например фиксации упоминаний их в различных СМИ (вкуче с данными наблюдений и интервью), открывает большее пространство для каталогизации, агрегации арен и последующей реконструкции полей стратегического взаимодействия. Каталоги взаимодействий, которые фиксируют действия сторон конфликта, репертуар и арены внутри эпизода являются интегральной частью нашей методологии. Они позволяют хранить как «сырую информацию» (например, наборы требований в изложении участников взаимодействия или наблюдателей), так и кодировать ее в соответствии с задачами исследования. В этой связи важным направлением дальнейшей работы представляется типологизация арен и репертуара. Еще одним преимуществом каталогов может быть выстраивание последовательностей взаимодействий (скажем, для ответа на вопрос, насколько часто оспаривание проекта в суде предшествует мобилизации или наоборот), которые также могут быть отдельным предметом анализа.

Например, с помощью каталогов взаимодействий и их атрибутов в городских конфликтах мы можем реконструировать и сравнить особенности полей стратегического действия. В данном случае для каждого конфликтного случая по поводу трансформации городской территории необходимо создать отдельную учетную карточку, которая будет подробно и последовательно фиксировать тематику конфликтов, эпизоды взаимодействия, тип арен (скажем, формальные или ситуативные — «неформальные»), характер промежуточных и окончательных исходов, типы игроков и их альянсы. Учетная карточка составляется на основе всех упоминаний конфликта в СМИ с учетом позиции автора опубликованного материала. Нередки случаи, когда в разных публикациях об одном и том же событии указывалось различное количество участников, что может свидетельствовать в том числе о симпатиях СМИ к тем или иным игрокам.

Преимущества использования понятия «поле» для анализа городской политики иллюстрирует наш сравнительный анализ городской политики Санкт-Петербурга и Москвы. Эти города имеют определенные сходства, поскольку включены в общее поле российской политики, но также и свои особенности. Они различаются по тематике спорных случаев, доминирующих в городской публичной сфере: в Петербурге чаще представлены случаи споров по поводу уплотнительной застройки, тогда как в Москве протесты горожан чаще вызывают планы по развитию новой инфраструктуры (благоустройство, возведение дорог). В Петербурге у горожан и их лоббистов больше шансов на успех, чем в Москве, что может быть объяснено в том числе и статусом стороны, продвигающей спорный проект: в Москве ими преимущественно выступают городские чиновники, а в Петербурге — частный бизнес. О чем это говорит? Можно предположить, что в Санкт-Петербурге осталось намного меньше свободных зон под застройку, в Москве же чаще доступны крупные федеральные проекты. В связи с асимметрией наполняемости городских

бюджетов в столице инициатором трансформаций выступают преимущественно представители мэрии, которым доступны узлы принятия решений, а также федеральные субсидии. Тогда как в городе на Неве основными локомотивами в городском девелопменте являются бизнес-структуры, поскольку городская администрация не имеет таких финансовых возможностей, какими располагает Москва.

С помощью агрегации данных в каталоги мы также можем оценить и сравнить множество иных параметров, свидетельствующих о состоянии полей местной политики в городах. Среди них — комбинации и последовательность арен, а также их результативность: для обоих городов наиболее «эффективным» для оппонентов проектов оказалось чередование ситуативных и формальных арен. Другой важный параметр — комбинации игроков. Так, в Москве жители чаще выступали самостоятельно (что, впрочем, как правило, не приводило к успеху). Это может свидетельствовать о том, что в Санкт-Петербурге лучше, чем в Москве, развиты и доступны гражданские инфраструктуры в виде активистских сетей поддержки (подробнее о полях городской политики в Санкт-Петербурге и Москве см. [Желнина, Тыканова, 2021]). Интерпретация выводов, полученных с помощью анализа данных каталогов, во многом дополняется и «раскрывается» материалами полуструктурированных интервью с экспертами, а также с ключевыми вовлеченными в спорные случаи игроками.

Событийный анализ позволяет отслеживать динамику взаимодействий и проводить сравнительный анализ. Например, анализ категории «коллективные протесты» позволяет понять тематику и кластеризовать эти события с учетом характеристик как самих событий (численность участников, тематика), так и городских условий [Семенов, 2019]. Кроме того, можно изучать динамику других типов событий, по которым информация может быть систематически собрана: судебным искам (или решениям по таковым), общественным слушаниям, петиционным кампаниям. Фокус на эпизодах расширяет возможности событийного анализа, встраивая отдельные события в последовательности с определенными исходами. К примеру, в одном из исследований на основе анализа эпизодов мы демонстрируем, что исход конфликта связан с тематикой, а также с особенностями городов [Семенов, Минаева, 2021]. Наконец, перспективным представляется анализ связи последовательности взаимодействий с промежуточными и финальными исходами конфликта: некоторые конфликты сразу начинаются с мобилизации, другие — с обращений в органы власти. В ходе конфликта участники могут прибегать к широкому репертуару или ограничиваться одним-двумя инструментами. Поскольку мы полагаем, что действия на каждой из арен имеют значение для последующих взаимодействий в поле, их последовательность и комбинация могут иметь принципиальное значение для финала конфликтов.

Важное методическое ограничение (и одновременно возможность) агрегации заключается в неопределенности границ — пространственных у полей и хронологических у эпизодов. Поскольку это аналитические конструкторы, которые призваны свести воедино множество последовательных связанных наборов взаимодействий игроков на различных аренах, которые становятся «видны» исследователю только в ходе самого исследования и не могут быть заданы априорно, а также в силу определения понятия «поле», мы можем лишь быть уверенными в более или

менее устойчивых элементах, имеющих конвенциональные ярлыки и рутинизированные практики (заседания комиссий, собрания жителей и т. д.). Менее рутинизированные или пространственно отдаленные арены слабее включены в «поле» как с точки зрения самих участников (они могут о них не знать или не иметь возможности на них присутствовать), так и исследовательской перспективы (данных об этих аренах, например, домашних собраниях активистов, просто может быть недостаточно).

Аналогичная проблема возникает с концептуальным и операциональным определением временных границ эпизода. Можно выделить первые публичные действия в последовательности взаимодействий ключевых сторон, которые оспаривают проект трансформации территории, как «начало» конфликта. Это могут быть обращения в органы власти, судебные иски, публичные протесты или акции прямого действия (например, перекрытие подъезда к месту строительства). Однако «корни» конфликта могут уходить глубже: в нескольких исследуемых нами случаях мы сталкивались с тем, что наложение правовых режимов (например, права собственности на гаражи или садовые участки) использовалось для отчуждения или консолидации земельных участков, которое лишь годы спустя становилось основанием для конфликта. Таким образом, участники подобных конфликтов отсылают к решениям и действиям, которые темпорально весьма отделены от основных событий, но тем не менее являются интегральной частью эпизода.

Такие же трудности возникают с концептуальным определением «завершения» эпизода: даже если проект реализован (например, застройка или вырубка парка осуществлена), оспаривание может быть продолжено в суде или надзорных инстанциях. Зафиксированный в документах планирования или публичных заявлениях властей статус-кво может носить временный характер: многие конфликты вспыхивают с новой силой спустя какое-то время после формального урегулирования. Конфликты некоторых типов могут носить принципиально незавершенный характер в силу постоянного интереса и притязаний на альтернативные виды их использования со стороны множества игроков. Так, крупные зеленые массивы «Черняевский лес» в Перми и парк «Малиновка» в Санкт-Петербурге на протяжении последних 20 лет либо точно застраиваются, либо испытывают угрозы уплотнительной застройки. Гарантии публичных властей обычно краткосрочны (максимум — они привязаны к пребыванию конкретного лица в кресле губернатора или мэра), поэтому даже отмена того или иного проекта не означает, что схожие притязания не появятся в скором будущем.

В данном пункте возникает еще одна концептуальная проблема: если в действиях игроков наблюдается значительный перерыв, например в силу достигнутых соглашений, но потом конфликт возобновляется, стоит ли их разделять на два разных эпизода? Наш подход предполагает, что если не сменились действующие игроки, а сам перерыв длился не более одного года, тогда действия до и после перерыва можно считать единым эпизодом. Кроме того, возникает вопрос о причине столь значительного временного разрыва. Однако если состав сторон сменился или разрыв в действиях превышает один год, можно с определенной степенью уверенности говорить, что перед нами новый конфликтный эпизод, даже если предмет конфликта остался прежним.

Изначальная неопределенность границ придает дополнительную гибкость нашему подходу: в зависимости от целей исследования, можно либо фокусироваться на наиболее значимых из перспективы исследовательского вопроса аренах или событиях, в том числе для обеспечения сравнимости, либо стремиться выявить не вполне очевидные арены и события и понять их место в поле городской политики и эпизоде. Иными словами, наша аналитическая схема позволяет «настраивать» инструментарий под конкретные задачи без потерь для возможности генерализации и накопления знаний.

Заключение

Мы представили многоуровневую модель изучения городских конфликтов, включающую пространственное и темпоральное измерения. Непосредственно наблюдаемые арены и события образуют концептуальный каркас для изучения микрооснований городских споров. Мы полагаем, что перспективы, цели и взаимодействия участвующих игроков встроены в более широкие пространственные и темпоральные структуры — поля и эпизоды конфликтов, складывающиеся в регулярности и последовательности, что схватывает более абстрактный — мезоуровень анализа.

Предлагаемая методология позволяет анализировать городские конфликты не только с помощью классических традиций изучения общественных движений. С нашей точки зрения, анализ городских конфликтов может и должен продвигаться дальше утверждений, что коллективные действия по поводу проектов трансформации городских территорий встроены в институциональные рамки и в существующий в городе баланс сил. Описанная методология дает исследователям городских конфликтов инструменты как для сбора и упорядочивания эмпирических данных, так и для теоретического осмысления полученных результатов. Этот инструментарий отталкивается от микрооснований конфликтов и предлагает концептуальный аппарат арен, событий, полей и эпизодов для эффективного анализа конфликтных взаимодействий на микроуровне и с потенциалом выхода на мезоуровень аналитического обобщения.

Даже в случае неудачи протестующих против спорного городского проекта городские конфликты сигнализируют более широкому кругу акторов о горизонте и границах возможного. В ходе таких конфликтов мобилизуются сообщества, вовлекаются политики и медиа, а также формируются новые темы и тон в дебатах о городском развитии. Из городских конфликтов рождаются новые инициативы, которые в своих названиях обозначают нормативное видение города («Красивый Петербург») или недовольство положением дел («Искалеченный Новосибирск»). Часть активистов, участвовавших в конфликтах, демобилизуются после их завершения, другая часть включается в более широкие городские процессы или даже институционализирует собственную активность посредством занятия официальных должностей или создания/поддержки организаций.

Структурные изменения, объединяемые концептом «неолиберализм», не являются достаточным основанием для объяснения истоков, хода и итогов конфликтов. Действительно, в условиях коммодификации земли, давления рынка, дисбаланса сил в городской политике привилегированные застройщики и их союзники в публичной власти имеют преимущество в реализации своих интересов. Асимметрия

ресурсов и экспертиз, доступа к отдельным аренам (например, мэрии или профильным комиссиям по градостроительным вопросам) приводит к тому, что нежелательные проекты воплощаются в жизнь вопреки сопротивлению горожан. В то же время наша методология позволяет зафиксировать, что взаимодействия на сравнительно идентичных аренах, равно как и схожие последовательности взаимодействия в рамках эпизодов, оканчиваются различным образом.

Список литературы (References)

Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. Р. 162—192. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>.

Zhelnina A., Tykanova E. (2019) Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 22. No. 1. P. 162—192. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>. (In Russ.)

Желнина А. А., Тыканова Е. В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>.

Zhelnina A., Tykanova E. (2021) 'Players' in 'Arenas': A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>. (In Russ.)

Семенов А. В. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 317—341. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-317-341>.

Semenov A. (2018) Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies. *The Russian Sociological Review*. Vol. 17. No. 2. P. 317—341. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-317-341>. (In Russ.)

Семенов А. В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>.

Semenov A. (2019) Roots of the Grass: Patterns of Grassroots Mobilization in Russia. *Sociological Studies*. No. 12. P. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>. (In Russ.)

Семенов А. В., Минаева Э. Ю. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>.

Semenov A., Minaeva E. (2021) Cities of the Forging Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>. (In Russ.)

Blokland T., Hentschel Ch., Holm A., Lebuhn H., Margalit T. (2015) Urban Citizenship and Right to the City: The Fragmentation of Claims. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 39. No. 4. P. 655—665. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12259>.

Boudreau J.-A., Boucher N., Liguori M. (2009) Taking the Bus Daily and Demonstrating on Sunday: Reflections on the Formation of Political Subjectivity in an Urban World. *City*. Vol. 13. No. 2—3. P. 336—346. <https://doi.org/10.1080/13604810902982870>.

Brenner N., Theodore N. (2005) Neoliberalism and the Urban Condition. *City*. Vol. 9. No. 1. P. 101—107. <https://doi.org/10.1080/13604810500092106>.

Castells M. (1983) *The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

Dahl R. A. (2005) *Who governs? Democracy and Power in an American city*. New Haven, CT; London: Yale University Press. URL: <https://yalebooks.yale.edu/book/9780300103922/who-governs/> (accessed: 29.06.2022).

Dixon M. (2010) Gazprom Versus the Skyline: Spatial Displacement and Social Contention in St. Petersburg. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 34. No. 1. P. 35—54. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2009.00871.x>.

Duyvendak J. W., Fillieule O. (2015) *Conclusion Patterned Fluidity: An Interactionist Perspective as a Tool for Exploring Contentious Politics. Players and arenas*. Amsterdam: Amsterdam University Press. P. 295—318. https://doi.org/10.26530/OAPEN_611226.

Elliott-Negri L., Jabola-Carolus I., Jasper J., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A. (2021) Social Movement Gains and Losses: Dilemmas of Arena Creation. *Partecipazione E Conflitto*. Vol. 14. No. 3. P. 998—1013. <https://doi.org/10.1285/i20356609v14i3p998>.

Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a General Theory of Strategic Action Fields. *Sociological Theory*. Vol. 29. No. 1. P. 1—26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2010.01385.x>.

Fröhlich C. (2020) Urban Citizenship Under Post-Soviet Conditions: Grassroots Struggles of Residents in Contemporary Moscow. *Journal of Urban Affairs*. Vol. 42. No. 2. P. 188—202. <https://doi.org/10.1080/07352166.2019.1617035>.

Harvey D. (1989) From Managerialism to Entrepreneurialism: The Transformation in Urban Governance in Late Capitalism. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. Vol. 71. No. 1. P. 3—17. <https://doi.org/10.1080/04353684.1989.11879583>.

Harvey D. (2012) *Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution*. London: Verso books. URL: <https://www.versobooks.com/books/3007-rebel-cities> (accessed: 29.06.2022).

Jasper J. M. (2021) Linking Arenas: Structuring Concepts in the Study of Politics and Protest. *Social Movement Studies*. Vol. 20. No. 2. P. 243—257. <https://doi.org/10.1080/14742837.2019.1679106>.

Jasper J. M., Duyvendak J. W. (eds.) (2015) *Players and Arenas*. Amsterdam: Amsterdam University Press. https://doi-org/10.26530/OAPEN_611226.

Karsten L. (2007) Housing as a Way of Life: Towards an Understanding of Middle-Class Families' Preference for an Urban Residential Location. *Housing Studies*. Vol. 22. No. 1. P. 83—98. <https://doi.org/10.1080/02673030601024630>.

Kolossov V., Vendina O., O'Loughlin J. (2002) Moscow as an Emergent World City: International Links, Business Developments, and the Entrepreneurial City. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 43. No. 3. P. 170—196. <https://doi-org/10.2747/1538-7216.43.3.170>.

Kriesi H., Hutter S., Bojar A. (2019) Contentious Episode Analysis. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 24. No. 3. P. 251—273. <https://doi.org/10.17813/1086-671X-24-3-251>.

Logan J., Molotch H. (1987) *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Los Angeles, CA: University of California Press. URL: <https://www.ucpress.edu/book/9780520254282/urban-fortunes> (accessed: 29.06.2022).

Mayer M. (2006) Manuel Castells' the City and the Grassroots. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 30. No. 1. P. 202—206. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2006.00652.x>.

McAdam D., Tarrow S. G., Tilly C. (2001) *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511805431>.

Pierre J. (2005) Comparative Urban Governance: Uncovering Complex Casualties. *Urban Affairs Review*. Vol. 40. No. 4. P. 446—462. <https://doi.org/10.1177/1078087404273442>.

Polletta F. (2006) *It Was Like a Fever: Storytelling in Protest and Politics*. Chicago, IL: University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226673776.001.0001>.

Polletta F., Gardner B. G. (2015) *Narrative and Social Movements*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/535-548.10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0037>.

Simmel G. (2012) The Metropolis and Mental Life. In: Lin J., Mele Ch. (eds.) *The Urban Sociology Reader*. London: Routledge. P. 37—45. <https://doi.org/10.4324/9780203103333>.

Stone C. N. (2015) Reflections on Regime Politics: From Governing Coalition to Urban Political Order. *Urban Affairs Review*. Vol. 51. No. 1. P. 101—137. <https://doi.org/10.1177/1078087414558948>.

Tilly Ch. (2001) Mechanisms in Political Processes. *Annual Review of Political Science*. Vol. 4 No. 1. P. 21—41. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.4.1.21>.

Tilly Ch. (2008) *Contentious Performances*. New York, NY; Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511804366>.

Tilly Ch. (2015). *Popular Contention in Great Britain, 1758—1834*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315632698>.

Tomba L. (2004) Creating an Urban Middle Class: Social Engineering in Beijing. *The China Journal*. No. 51. P. 1—26. <https://doi.org/10.2307/3182144>.

Traugott M. (ed.) (1995) *Repertoires and Cycles of Collective Action*. Durham, NC: Duke University Press. URL: <https://www.dukeupress.edu/repertoires-and-cycles-of-collective-action> (accessed: 29.06.2022).